

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 6

В.Г. Родионов

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
ЧУВАШСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2011 год

Чебоксары 2011

УДК 821.512.111.0

ББК 83.3 (2Рос. Чув)

Р 61

В.Г. Родионов. Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века. – Чебоксары, 2010. - с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Вып. 6)

В работе рассмотрены особенности чувашского национально-просветительского движения во второй половине XIX века, показана борьба чувашской интеллигенции за язык школьного обучения, а также определено место чувашеведческих наук в формировании нового этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века (1900 – 1908 годы).

© Родионов В.Г., 2011

© Чувашский государственный

институт гуманитарных наук, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Художественная литература, как и устное поэтическое творчество, полифункциональна, она является частью духовной культуры и, по образному определению Н.И. Ашмарина, «связана тысячами нитей со всею жизнью народа». Само художественное сознание складывается, по глубокому убеждению автора данной работы в результате синтеза с остальными составляющими частями общественного сознания: социально-политическим, этническим, историческим, научным и др. Поэтому историку литературы так важно обращать свое пристальное внимание к динамике основных сфер общественного сознания, проследить механизмы их взаимодействия с точки зрения литературно-художественного сознания. Таким образом образуется проекция «взгляд изнутри» на внелитературные процессы и факторы развития.

Цели данной работы более скромны: отметить особенности чувашского национально-просветительского движения до начала XX в. и показать процесс выработки общенациональной позиции творческой интеллигенции в ходе борьбы за язык школьного обучения детей.

В работе выдвигается гипотеза, согласно которой формирование нового этнического и индивидуально-творческого сознания чувашской интеллигенции начала XX в. происходило под сильным воздействием чувашеведческих наук, в особенности исследований В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского. С целью доказательства данного положения автор выявляет отдельные нравственно-мировоззренческие, научно-эстетические и общественно-политические взгляды вышеназванных ученых и их практические поступки в деле объединения чувашских литературных сил. Этим самым определяется значение ученых-чувашеведов в пробуждении в умах творческой интеллигенции более развито этнического и исторического сознания, а также в выработке новых типов индивидуально-художественного восприятия действительности.

ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ ЧУВАШСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Нации в человеческом сообществе становились, как правило, под воздействием идей европейского Просвещения. Последнее, будучи культурно-идеологическим и философским движением общественной мысли, впервые оформляется во Франции, а затем и в Германии. Французская идея «цивилизации» связана, как известно, с городскими «буржуазными» ценностями, которые должны были распространяться на всю государственную территорию. Все это привело к насильственной ассимиляции малочисленных народов и этнических групп. В отличие от Франции, в немецком государстве сложилась общенациональная идея с опорой на традиционную культуру и обычаи, прежде всего сельского населения. Немецкая романтическая идея нации является органичной системой, в которой язык, как носитель национальной культуры, неразрывно связан с народом. При этом немецкое государство всегда бережливо относилось к диалектам и обычаям отдельных земель, считая их общим достоянием народа. Нация в немецком понимании – это сообщество тех, кого связывает общий язык, история и культурная идентичность.

В XIX в. национальные движения в Российской империи проходили главным образом под знаком общности языка и культуры того или иного народа. Подобные идеи национального единения и свободы проникали в восточные ее территории с западных губерний, прежде всего Королевства Польского (1815 – 1874), вместе ссыльными и переселенцами. Таким путем первоначально возникла, например, и идея чувашского просвещения. Будущий просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев, молодой еще землемер в те 60-е годы XIX в., пришел к подобной мысли, как он вспоминал потом, после близкого общения с людьми польского происхождения. Врач О.Л. Косинский и его племянник при нем постоянно обсуждали проблемы

«Польского восстания» и его активной поддержки, мечтали о суверенитете своей родины. Молодой чувашский землемер тогда открыл для себя такую истину: наивысшей целью образованного человека является его помощь «своим бедным и обездоленным сородичам». Конкретно для чувашей того времени необходимо было развитие книжного дела и школьного образования, формирование национальной интеллигенции в лице сельских учителей и церковнослужителей. Осознав важность вышеназванных задач, он приступил к их осуществлению еще будучи гимназистом (свою школу, впоследствии названной Симбирской чувашской учительской школой, Яковлев открыл в 1868 г.). Историческая миссия просветителя заключается в его целенаправленной деятельности в рамках самого первого этапа национального движения – просветительства. Идеей равноправия и свободы чувашская интеллигенция воспламенилась чуть позже – в начале XX в. Тогда чувашское национальное движение перешло к следующему этапу своего развития.

Сама идея просвещения чувашского народа никогда не получила бы своего утверждения и воплощения в жизнь, если бы в российской действительности 1860 – 1970-х гг. не наступил период Великих реформ. Резкий рост российской промышленности и создание в те годы мощных сетей железных дорог способствовали вхождению Российского государства в европейское капиталистическое пространство. Таким образом, идеи просвещения и национального развития народов России получили крепкое основание: капиталистический уклад жизни.

На фоне роста русского и татарского национального самосознания народы Урало-Поволжья с неполной социальной структурой (в условиях отсутствия своей интеллигенции, духовенства, чиновников) значительно отставали от первых. Их просветители одновременно должны были заняться открытием школ, подготовкой учебников и учителей, умеющих обучать по ним. Эти задачи решались, как правило, на первом этапе становления и

развития национального просветительского движения колониальных народов империи.

Идея школьного образования православных «инородцев» на своем родном языке никогда не была бы осуществлена в условиях активной русификаторской политики государства, если бы его внутренние конфессиональные противоречия не обретали международный характер. Дело в том, что рост национального самосознания татар-мусульман сопровождался с усилением среди их православных сородичей (кряшен), а также среди близких к ним по языку и культуре чувашей исламской агитации. В результате их активной деятельности некоторые чувашские деревни отпали от православия и приняли, как обычно называли чувашаи ислам, «татарскую веру» (*тутар тёнё*). Часть ушедших в ислам чувашей Саратовской губернии в 1860-е гг. вместе с татарами массово мигрировали в мусульманскую страну – Турцию. Как известно, геополитическое пространство Оттоманской империи всегда привлекало внимание как самой России, так и ее врагов. Мусульманская Турция для нее казалась чужой, противопоставленной православно-славянскому миру. В 1860-е гг. еще свежи были раны, полученные от позорного поражения России в Крымской войне 1856 – 1858 гг. Поэтому вышеназванное событие всерьез встревожило не только высшее духовное правление (св. Синод), но и самого монарха и его близкое окружение. Воспользовавшись ситуацией и настроениями в правительственных кругах, впервые Н.И. Ильминский, а затем и Н.И. Золотницкий стали обучать детей православных татар и чувашей на их родных языках. В 1866 г. они добились утверждения важной для школьного просвещения должности: должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. Стали открываться не только миссионерские, но и государственные школы и училища. В Правилах от 26 марта 1870 г. официально было разрешено первоначальное обучение в школах на родном языке обучающихся. Православные народы Урало-Поволжья, в том числе и чувашаи, обрели право развивать школьное образование с частичным

использованием родного языка детей. Появились благоприятные условия для формирования национальной интеллигенции в лице учителей и церковных служителей, а также разных служащих низшего уровня. Только из их среды могли выходить творческие люди (поэты, прозаики и драматурги), пишущие на родном языке. С каждым годом стало увеличиваться количество читателей национальных книг. Для чувашского крестьянина понятие «выходить в люди» стало идентичным словосочетанию «получить образование». Чувашское просветительство обрело свою силу при инспекторе чувашских школ И.Я. Яковлеве, который успешно создал механизм воспроизводства образованных хлебопашцев и национальной интеллигенции, своим служебным положением гарантировал его бесперебойную работу. В такой форме чувашское просветительство развивалось целых три десятилетия. Но оно не получило бы такого размаха, если бы не совпало с общероссийским движением за демократизацию в системе образования.

Идеей демократизации школьного образования и воспитания был охвачен попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков, который всячески поддерживал все начинания Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева. Сам попечитель увлекался идеями выдающегося швейцарского педагога-демократа И.Г. Песталоцци, впервые сформулировавшего в педагогике принцип природосообразности и самоценности личности. Его можно назвать одним из авторов концепции развивающегося образования. Сам П.Д. Шестаков в «Журнале Министерства народного просвещения» еще в 1864 г. опубликовал очерк о жизни и практической деятельности И.Г. Песталоцци.

К рубежу XIX и XX вв. новое поколение образованных чувашей стало несколько критически относиться к яковлевской школе, существующим в ней некоторым порядкам. По мнению этих молодых чувашей, многие из них являлись устаревшими и не соответствовали духу времени. Прежде всего это касалось главной цели школьного образования, которая правительством была определена как миссионерская и русификаторская. В ином случае школы для нерусских детей и будущих учителей (вспомним мусульманские медресе) не

были бы финансированы. Этому прекрасно понимал и сам Яковлев, который в те годы оказался как бы между двух огней: правительством в лице чиновников Министерства просвещения разного ранга и наиболее прогрессивной части чувашской интеллигенции, которая трезво оценивала создавшуюся в те годы социально-политическую ситуацию в Российской империи. Она резко реагировала на официальную русификаторскую политику школьного начальства, ратовала за формирование и развитие национальной культуры, светского образования. Эти задачи являлись общенациональными, они были поставлены и продиктованы самой логикой внутреннего развития чувашского общества того периода. В то же время неокрепшая в борьбе чувашская интеллигенция должным образом не могла противостоять внешним идейно-политическим влияниям, прежде всего влиянию российских социалистов. Наступил новый этап национального движения, отличающийся от яковлевского просветительства многообразием идейно-философских и социально-политических течений.

БОРЬБА ЗА ЯЗЫК ОБУЧЕНИЯ В ЧУВАШСКИХ ШКОЛАХ

Переход от авторитарного монархического режима к правовому государству осуществляется, как правило, в условиях борьбы двух сил: с одной стороны, ярых сторонников самодержавия (консерваторов), а с другой – приверженцев социально-демократических преобразований (либералов, социалистов и т.д.). такое противостояние в Российской империи обострилось в условиях правительственных контрреформ 1880-х гг. XIX в. Вскоре почти все либералы пришли к заключению о готовности России к всеобщему голосованию и парламентскому правлению¹. С таким публичным заявлением в 1902 г. выступил либерал П.Н. Милуков, который предлагал создать бессловное народное представительство в постоянно действующем и ежегодно созываемом верховном учреждении с правами высшего контроля,

законодательства и утверждения бюджета. Народное представительство должно было получить законодательные права и возможность политического контроля над правительством. Не без одобрения самого монарха, их яростно критиковали крайние консерваторы во главе с обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым.

В 1866 г. обер-прокурор св. Синода (Д.А. Толстой) одновременно стал совмещать и должность министра народного просвещения, что способствовало открытию школ не только церковного ведомства, но и Министерства просвещения. Последние среди нерусского населения должны были выполнять и миссионерскую работу. В рамках данных задач, поставленных самим министром просвещения и высшим духовным сановником в одном лице, получили свое развитие крещенотатарские и чувашские школы Казанского учебного округа. Традиции предыдущего обер-прокурора поддержал и его восприемник К.П. Победоносцев, который всю жизнь покровительствовал Н.И. Ильминскому и его ученикам, прежде всего И.Я. Яковлеву.

С 1880 г. Министерство просвещения перестало подчиняться обер-прокурору Синода, что привело к постоянным конфликтам между инспектором чувашских школ и чиновниками Казанского учебного округа. Последних раздражало наличие связей их подчиненного с людьми из круга приближенных самого государя. Например, И.Я. Яковлев вспоминает следующий конфиденциальный разговор с попечителем: «Я излагаю Кульчицкому сущность дела. А он ни с того ни с сего, не слушая доклада, почти обыкновенным тоном, не повышая голоса, говорит мне: «Выгнал бы я вас через две недели». Подаю третий доклад – то же самое. Тогда я говорю Кульчицкому: «Что же вы не делаете? Делайте! Выгнать меня – вещь немудреная... Выгнать какого-то инспектора чувашских школ нетрудно при вашем положении попечителя учебного округа. Вы попечитель и не можете меня выгнать!» «У вас, – говорит он, – есть связи». (Вероятно, он знал про участие во мне Чичериной, Нарышкиной и других влиятельных лиц.)»².

В условиях общего консервативного курса, в идеологической основе которого лежала официальная формула «православие – самодержавие – народность», им ничего не оставалось делать, как обвинять просветителей народов в сепаратизме и тем самым лишний раз показать свою преданность самодержавию. В этом деле особо отличился С.Ф. Спешков, работавший в начале помощником попечителя (1893 – 1901), а потом попечителем (1902 – 1903) Казанского учебного округа. Приехав в Казань, он сразу занялся травлей интеллигенции народов Поволжья. Как многие чиновники, служившие в западных пределах империи (С.Ф. Спешков служил в Рижском и Петербургском учебных округах), и он всюду видел сепаратизм, стремление народов к самостоятельности. Именно им в 1902 г. был поднят вопрос об упразднении должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. Его инициативу в столице активно поддержал министр народного просвещения Г.Э. Зенгер, который в 1897 – 1899 гг. являлся ректором Варшавского университета, а в 1900 г. был назначен попечителем Варшавского учебного округа. В бунтарской Польше он проявил себя как верный слуга российского престола. Вскоре его заметили и определили товарищем министра (1901), а через год – министром народного просвещения. Данный человек с «чутким политическим нюхом» в своем представлении в Госсовет от 10 марта 1903 г. писал следующее: «Существование инородческой инспектуры поддерживает в местном инородческом населении сознание обособленности этого населения от русского по самому устройству школ <...> Нежелательно дальнейшее существование должности инспектора школ и по соображениям общественно-политического характера»³. 5 мая 1903 г. Госсовет утвердил проект Зенгера, а 19 мая данное решение подписал Николай II.

Итак, к 1903 г. возможности яковлевского варианта чувашского просветительства значительно сузились. Во-первых, лидер движения лишился бывших прав в области организации школьного образования. Чувашские школы полностью перешли в руки окружных инспекторов,

которые в своем большинстве не поддерживали школьного билингвизма и звукового метода. Во-вторых, после ликвидации должности инспектора чувашских школ сразу стали рассылать рекомендательные письма о переходе к наглядному методу без серьезного изучения детьми их родного языка. Это означало, что дело первоначального обучения на языках народов Урало-Поволжья свертывается, соответственно, проблема подготовки национальных учителей отпадет сама собою, так как они в дальнейшем не будут востребованы.

Ситуация осложнилась успешным распространением в те годы социалистических идей, прежде всего среди молодежи. Объявляя своими главными врагами самодержавный строй с большой армией его охранителей, они отвлекали молодых учителей и студентов от непосредственных национальных задач, успешное решение которых зависело от приложения общих усилий интеллигенции, от ее сплочения во имя будущего расцвета нации.

В 1902 г. в Симбирске и Казани возникли революционные организации, в работе которых активное участие принимали чувашские студенты и учащиеся. К 1904 г. оформилась чувашская организация партии социал-революционеров. Летом 1905 г. возникли уездные филиалы Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. С осени 1905 г. начались массовые выступления чувашских крестьян против правительства с требованиями созыва Учредительного собрания, передачи земли крестьянам и установления республиканского правления с демократическими свободами. Летом 1906 г. в пригороде Симбирска прошел первый чувашский общенациональный съезд революционных деятелей и представителей учительства, который «положил основание общенациональному союзу просвещения, входящему в состав Всероссийского союза, в качестве особой национальной корпорации»⁴.

Проблему национального школьного образования революционеры не решали. Они своим активным вмешательством в деятельность чувашской

газеты «Хыпар» (Вести) довели ее до закрытия. В годы реакции многие революционеры заплатились своей жизнью, а своим радикализмом они на целое десятилетие задержали процесс становления этнокультурной нации и полнокровного функционирования ее культуры в период реакции.

Мудрее оказалась татарская революционная интеллигенция. Например, социалисты (Г. Исхаки и его соратники), вскоре отошли от революционеров и примкнули к общенациональному движению за освобождение народа от колониального гнета. Благодаря лояльному отношению к царскому правительству они смогли открыть десятки газет и журналов, интенсивно развивать театральное искусство, художественную литературу и критику. Благодаря действию этноцентричного направления татарская интеллигенция смогла создать ту критическую массу, которая способствовала скорейшему переходу татарской этнокультурной нации к политическому.

Как уже было отмечено выше, угроза перед системой Ильминского и Яковлева стала реальной при попечителе С.Ф. Спешкове и его реванше в тайном сговоре против родных языков школьников, детей нерусских народов. Открытые нападения продолжалась вплоть до 1905 г.⁵. Учащались проверки СЧУШ (Симбирской чувашской учительской школы) на уровне личной И. Яковлеву «ненависти и подозрений в сепаратизме»⁶. Инспектор СЧУШ призвал на помощь С.В. Смоленского и Н.А. Бобровникова. Первый сообщил ситуацию в СЧУШ статс-даме А.Н. Нарышкиной, а последняя - Николаю II. Племянница А.Н. Нарышкиной С.В. Чичерина и проф. А.С. Будилович срочно выехали в Казанский учебный округ с проверкой жалобы бывшего инспектора чувашских школ. А.С. Будилович представил потом свой отчет министру просвещения, а тот доложил его Николаю II. Об этом И.Я. Яковлев вспоминал так: «В результате государь приказал пересмотреть вопрос об инородцах в особой комиссии (совещании) под председательством Будиловича, для чего в Петербурге был вызван и я весной 1905 г.»⁷.

По инициативе И.Я. Яковлева и его единомышленников весной 1905 г. в Петербурге прошло Особое совещание по вопросам образования восточных

«инородцев», которое рекомендовало использовать педагогическую систему И. Яковлева с обучением на родном языке в первых двух классах. Правила от 31 марта 1906 г. узаконили данную рекомендацию. К сожалению, их не везде придерживались. Например, Буинский уездный училищный совет 23 августа 1913 г. принял решение о введении русского языка с первых же дней учебы в чувашской школе. Протест И.Я. Яковлева был обжалован и доведен до министра просвещения. Буинский «эксперимент» последний назвал «удачным и целесообразным»⁸.

Борьба за язык обучения в чувашских школах всегда была актуальной, и для сохранения чувашского языка в начальных школах требовались большие усилия. Между тем еще в декабре 1904 г. председатель Комитета министров С. Витте обосновал новые принципы национальной политики, которые учитывали государственную пользу и обеспечивали возможность для экономического и духовного развития всех народов Российской империи. В отношении школ С. Витте считал, что они служат не для политических, а для педагогических целей: мы должны давать знания. А его министр просвещения допускал существование на местных языках и средней школы, если они будут финансироваться за счет общества.

Вопрос о национальной школе был одним из важнейших вопросов, связанных с правами народов. Временные уступки правительства, сделанные под натиском революционного движения, уже в 1908 г. стали сворачиваться. Наступление на школы возглавил новый председатель совета министров и глава МВД П.А. Столыпин⁹. Это еще раз подтверждает мысль о том, что революционной борьбой можно добиваться лишь временных уступков, что темпы прогресса значительно и поступательнее только при относительно стабильном взаимоотношении с властью. Такую политику в начале XX в. вели умеренные прогрессисты во главе с учеными Н. Ашмариним и Н.И. Никольским.

МЕСТО ЧУВАШЕВЕДЧЕСКИХ НАУК В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Чувашеведческие науки созревали одновременно с письменной культурой, в том числе и художественной литературой чувашского народа. Универсализм и синтетизм, преобладавшие в мышлении просветителей, способствовали их многогранному творчеству. В.П. Вишневецкий и В.П. Громов одновременно занимались лингвистикой и этнографией, С.М. Михайлов (Яндуш) и В.И. Лебедев этнографию умело сочетали с поэзией, а также художественной прозой. Народники-шестидесятники Н.И. Золотницкий и В.К. Магницкий свои первые статьи посвятили проблемам народной школы, одновременно увлекались разными сферами гуманитарного чувашеведения: лингвокультурологией и сравнительным языкознанием (Н.И. Золотницкий), историей и проблемами этногенеза чувашского этноса, фольклористикой, экономическим положением народа, юридическим бытом, археологией, дохристианской обрядовой системой, чувашскими мужскими именами (В.К. Магницкий).

Василий Константинович Магницкий (1839-1901). Еще будучи студентом Казанской духовной семинарии (1854-1857) в одном из сочинений он писал следующие строки: «Человек, который может быть полезным обществу, должен в основном заниматься науками, которые просвещают ум, образуют сердце и делают из человека грубого и необразованного человеком просвещенным и образованным»¹⁰.

Хотя Н.И. Золотницкий и В.К. Магницкий оба ратовали за народное просвещение, они принадлежали к двум разновидностям просветительства. Первый смотрел на образование с официальной точки зрения (обрусение «инородцев» через религиозное просвещение). Вот какими аргументами полемизирует он с В.К. Магницким: «Мы сильно возмущены *прискорбием* г. Магницкого о том, что *чуваши не создали для себя чувашских книг* (курсив автора. – В.Р.). Г<осподин> Магницкий скорбит о том, что радуется и должно

радовать всякого истинного русского и истинно православного человека: мы думаем, что отсутствие у чувашей собственной литературы, – разумеется, сообразной с их прежними и современными религиозными воззрениями, – поможет русско-православным деятелям скорее просветить и обрусить этих инородцев <...>, но мы же первые восстанем против кого бы то ни было, кто вздумает создавать для тех же инородцев их народную литературу и, во что бы то ни стало, будем препятствовать подобному предприятию»¹¹.

Для В.К. Магницкого, как отмечал Н.В. Никольский, не существовало даже вопроса о праве языков нерусских народов на жизнь, литературу, просвещение: «Раз и навсегда этот вопрос был решен в положительном смысле: «если народности за тысячелетия своего существования сохранили свой язык, обычаи и т.д., то кто вправе им запрещать дальнейшее развитие на самобытной основе; путь к содружеству с народностями России заключается не в русификации их, а во внутреннем усовершенствовании на основе родного языка, литературы»¹².

Ученики Н.И. Золотницкого занимались главным образом сочинением произведений религиозно-просветительского содержания (М.Д. Дмитриев, В.В. Васильев, Г.Ф. Филиппов и др.). В.К. Магницкий же убеждал своих воспитанников трудиться в сфере науки и художеств. По воспоминаниям Н.В. Никольского, ученому «неоднократно приходилось доказывать сельской интеллигенции, что подлинная наука о народе находится в самом народе: произведения народной словесности, географическая номенклатура в связи с преданиями, мифология, народная архитектура, народная техника и пр. – все это является неоценимым материалом для науки, каждый интеллигентный житель деревни не вправе проходить мимо этих ценностей; каждый должен заниматься посильным собиранием того материала для науки, который ему по плечу; люди науки сумеют этот материал использовать должным образом»¹³.

У В.К. Магницкого, этого подлинного народника, рядовых корреспондентов было немало, в число которых после смерти Н.И.

Золотницкого вошли и его ученики. Наиболее способные и талантливые воспитанники от сбора фольклорно-этнографического материала переходили к литературному творчеству (М.Ф. Федоров, М.П. Арзамасов, Н.М. Охотников и др.), а И.Н. Юркин, автор ряда повестей на чувашском языке, под влиянием В.К. Магницкого стал изучать чувашскую мифологию и историю. В письме ученому от 10 марта 1894 г., делясь планами на будущее (написать исторический труд «Чуваши – древние болгары»), И.Н. Юркин доводит до ученого свое новое творческое кредо: «До сих пор я писал зря, лишь желая что-нибудь увидеть в печати, я теперь не буду работать во имя печати, а во имя своих идей...»¹⁴. А идейные убеждения И.Н. Юркина были связаны с возвышением старой чувашской веры, истории и культуры чувашского народа. Его считают первым человеком, разработавшим в конце XIX в. «концепцию национального самосохранения чувашей»¹⁵.

И.Н. Юркин и другие чувашские прогрессисты опирались на светскую письменную культуру и богатое народное творчество, пропитанное идеями народной религии, морали, философии и эстетики. В этом плане настольной книгой для них являлись «Материалы к объяснению старой чувашской веры» В.К. Магницкого, в которых детально описана и реконструирована дохристианская обрядовая система чувашского народа¹⁶.

Следующей настольной книгой чувашской прогрессивной интеллигенции начала XX в. стала посмертная монография В.К. Магницкого «Чувашские языческие имена», в которой представлены более десяти тысяч мужских имен¹⁷. Переход от восхищения обилием мужских имен в народной религии до уважения самой ее культуры был не сложным. Национальная интеллигенция, кроме ретивых миссионеров, открыла для себя несметные богатства народной культуры и религии.

Итак, научные труды В.К. Магницкого полностью развеяли миф о бедности и примитивности чувашской народной религии. Обрядово-фольклорный быт народа, а также дохристианские имена прочно обосновались в произведениях чувашских писателей, они стали символами

народной культуры, ее знаковыми элементами. Статьями о С.М. Михайлове (Яндуше), В.П. Громе, В.А. Сбоеве Василий Константинович указал на истоки письменной культуры чувашей, он восстановил связь поколений и времен. Хотя В.К. Магницкий жил в XX в. лишь один год и два месяца, его чувашефильские¹⁸ труды востребованы и в начале XXI в. А чувашской прогрессивной интеллигенции начала XX столетия они были нужны как воздух для горения, являлись стимулятором укрепления творческого духа и возвышения национальной гордости.

Николай Иванович Ашмарин (1870-1933) принадлежит к плеяде первых ученых-чувашеведов с университетским (светским) образованием. Н.И. Золотницкий и И.Я. Яковлев закончили историко-филологический, а В.К. Магницкий юридический факультеты Казанского университета. Все трое в разной степени разделяли народнические взгляды на жизнь общества. Н.И. Ашмарин получил в Лазаревском институте восточных языков (г. Москва) углубленное филологическое образование и посвятил свою жизнь изучению языка и культуры чувашского народа. Интересоваться языком соседнего загадочного народа он начал с тринадцатилетнего возраста, а в гимназические годы приступил к критическому разбору лингвистических работ Н.И. Золотницкого и его учеников¹⁹.

В первый же год учебы в Лазаревском институте молодому тюркологу-чувашеведу поручили сделать переводы чувашских песен, присланных в Московское этнографическое общество И.Н. Юркиным. На основе этих песен Н.И. Ашмарин опубликовал в журнале «Этнографическое обозрение» свой «Очерк народной поэзии у чувашей». Его он начинает с критики позиции очеркистов до 60-х гг. XIX в. «Сказать, что у чуваш [ей] есть народная поэзия, показалось бы крайне странным и даже удивительным в то недавнее, сравнительно, время, дикие взгляды на инородцев и баснословные рассказы о их верованиях, жизни и привычках господствовали в умах большей части тех, считавших себя интеллигентными, людей, которым в силу своих служебных обязанностей или просто близкого соседства

случалось иметь с чувашами то или другое соприкосновение»²⁰.

Защищает Н.И.Ашмарин позицию Н.И. Золотницкого, безуспешно доказывавшего «этим господам», что «чувашский язык не составляет какого-то странного жаргона, без логических оснований, без установившейся грамматики». Миновали и годы борьбы Н.И. Золотницкого и его учеников с высокомерными «интеллигентами». Начинают являться лица, которые с любознательностью собирают поэтические произведения и находят в них «много оригинального, симпатичного и прекрасного».

Н.И. Ашмарин скрыто полемизирует с А.А. Фукс о импровизации чувашских песен: «Если же у них и есть импровизация песен, то последнее только указывает на жизненность и свежесть поэтического чувства в чувашах, а также и на то, что их поэзия стоит близко к самой жизни, и каждое интересующее их явление находит в ней свой отголосок».

Главная цель автора данного литературоведческо-публицистического очерка – показать красоту и богатство чувашской народной поэзии, убедить читателя в том, что чуваша не обделены как в умственном, так и художественно-эстетическом развитии. Самосознание чуваша, как утверждает Н.И. Ашмарин, «восходит до истинно-гуманных взглядов на жизнь; он уже способен углубляться в себя самого, в свой внутренний мир и рассматривать философски то, что его окружает. Он живет не только настоящей минутой: неизвестное будущее часто заставляет его призадуматься; его возмущает людская несправедливость; он горюет о трудных временах, которую приходится переживать, и пытается объяснить те грустные явления, которые видит у себя»²¹.

В очерк включены 420 строк народной поэзии в переводе самого автора. Очевидно, он считал, что для убедительности и наглядности этого недостаточно: в 1900 г. издал отдельный «Сборник чувашских песен», в котором насчитывается 200 песен (1480 строк) с переводами и комментариями²². Кроме того, в 1895 г. молодой ученый опубликовал в газете «Волжский вестник» (г. Казань) две статьи: «Любовь в жизни и песнях

инородца» и «Декаденты Запада и поэзия инородцев»²³. В них он ссылается на работы И.Н. Смирнова, В.К. Магницкого, К. Насыри, Б.Г. Гаврилова и др. ученый²⁴. «Сравнивая между собой песни некоторых тюркских племен, например, турок-османлистов, татар и чуваш<ей>, - замечает исследователь в последней статье, – мы везде заметили творчество, однообразие поэтических форм и примеров, а это указывает на то, что происхождение этих песен относится к той отдаленной эпохе, когда эти народы жили вместе, на своей общей родине, песня инородца уже не выражает целиком его мирозерцания»²⁵.

Сравнивая поэзию нерусских народов Урало-Поволжья с творчеством французских и других западных мистиков и их учеников (Верлена, Бодлера, Винье, Ришпена, Метерлинка и др.), автор приходит к такому выводу: «поэтические творения» западных декадентов представляют собой нечто иное, как возрождение древнего творчества, явившееся на почве архаического мирозерцания, которое усвоило себе истомленное, больное европейское общество, с его крайним скептицизмом, разбитыми идеалами и отсутствием всякого культа». По мнению ученого, поэты декаданса не сказали ничего нового, они только воскресили в самых ярких очагах культурного мира (Западной Европе) «старинное мирозерцание», которое, как полагал ученый, еще до конца XIX в. сохранилось у нерусских народов Урало-Поволжья²⁶.

На рубеже XIX – XX вв. Н.И. Ашмарин опубликовал следующие фундаментальные научные труды: «Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I – II» (Казань, 1898), «Болгары и чувашаи» (Казань, 1902), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (Казань. Ч. I. 1903). Кроме того, в 1900 г. ученый опубликовал «Программу для составления чувашского словаря» (ИОАИЭ, т. XVI, вып. 2), своеобразную концепцию будущего «Словаря чувашского языка» в 17-и томах. Отдельно следует выделить вторую монографию ученого.

Вопросы происхождения чувашского народа теснейшим образом связаны

с уровнем этнического сознания национальной интеллигенции. Начиная с писателя И.Н. Юркина преобладала теория болгарского происхождения чувашского народа. Но она опиралась на сомнительные лингвистические примеры народно-этимологического характера и не могла считаться научно обоснованной и доказанной. Данную миссию взял на себя ближайший друг И.Н. Юркина, высококвалифицированный чувашевед Н.И. Ашмарин. Его научный труд «Болгары и чувашаи» позволил национальной интеллигенции взглянуть на свой родной народ в пространстве большого исторического времени. Но возникшая гордость за славных предков одновременно сопровождалась чувством несправедливой обделенности, недовольства настоящим состоянием народа. В результате интеллигенция ощутила свою ответственность за ее настоящее и будущее. Так утверждалось новое этническое сознание на основе синтеза линейного мышления и исторического сознания.

До настоящего времени наследие Н.И. Ашмарина изучалось с точки зрения узких специализаций гуманитарных наук. Поэтому в нем видели то лингвиста, то фольклориста, этнографа или историка. Между тем Н.И. Ашмарин относится к ученым с гуманитарным типом мышления. Он занимался не только систематизацией фактов, но и постоянно задавался вопросом «почему?», искал смысл отдельных фактов, пытался найти их первооснову. Ученый считал, что творческое начало имеет не только словесность, но и весь язык народа: «Весь язык сам по себе есть творчество, и то, что мы называем творчеством в обычном употреблении этого термина, есть только часть словесного творчества народа, обособившаяся от повседневного будничного обихода вследствие ее особенной важности или особенного интереса»²⁷.

Для многих лингвистов язык является лишь «безгласной вещью», «объектом», поэтому исследуется он в основном как сложившаяся система грамматических и синтаксических правил и словарных значений. Но в такой плоскости абстракций исчезает истинная действительность языка, «питаемая

неисчерпаемым смысловым богатством живой речи, неповторимым своеобразием ее индивидуальных интонаций, вбирающих в себя многосторонность и изменчивость окружающего мира»²⁸.

Признание творческого начала языка означает, что имеются творящие индивиды и их продукты. Явление творчества обнаружится, если поместить их в «атмосферу» социокультурного общения, в контекст жизни и исторического движения культуры.

В своих лингвистических работах Н.И. Ашмарин использовал в качестве примеров тексты из разных сфер социокультурного общения при помощи речи. К сожалению, науке его времени теория речевых жанров была неизвестна, поэтому во многих случаях ученый мыслил лингвистическими категориями своего времени, но не всегда. Признание языка как продукта творчества подсказало ему в исследованиях ряд верных методологических и методических ориентиров. Изучение текстов некоторых речевых жанров (по Н.И. Ашмарину: «поэзии народа»), по глубокому убеждению ученого, открывает пути к объяснению «внутренней личности» народа, познанию его идеалов, «духа творчества»²⁹. Основными качествами чувашской народной поэзии Н.И. Ашмарин считал «мягкость тонов», «любовь к сильному чувству». Очевидно, именно в них он обнаружил «дух творчества» чувашского народа.

Н.И. Ашмарина по праву считают основоположником сравнительно-исторической школы в чувашской филологии. Ряд ее постулатов не устарел и по сей день. Ниже приводятся основные методологические и методические положения, разработанные ученым в области чувашской словесности.

1. Изучение поэзии должно быть «контекстным», т.е. комплексным. «Изучение чувашской народной поэзии немислимо без изучения народного быта, – убежденно писал Н.И. Ашмарин в 1923 г., – ибо поэзия – лишь одна сторона духовной жизни народа и связана тысячами нитей со всею жизнью народа».

2. Изучение поэзии и языка должно протекать по принципу

«взаимодополняемости» и «взаимообогащаемости». Об этом Н.И. Ашмарин писал следующее: «Изучение народного творчества тесно связано с изучением языка: успехи исследований последнего (языка) ведут за собою новые приобретения в области истолкования народной словесности, а расширение ее наблюдения в отношении народного творчества содействует выяснению явлений в сфере языка. Язык поэзии более архаичен, чем обиходная речь, между прочим и потому, что произведения народной словесности нередко связаны определенной формой, и поэтому менее подвержены изменениям, чем разговорный язык»³⁰.

Тут же ученый выразил сожаление по поводу поздних записей текстов чувашской устной словесности. Ученый был убежден, что восстановление состояния чувашского народного творчества в различные периоды истории дело небезнадежное. «Народная словесность тюрков, в особенности сибирских, – отмечал Н.И. Ашмарин, – может давать материал для косвенных предположений о более раннем состоянии чувашского народного творчества»³¹.

Древнее состояние поэзии можно восстановить и путем типологических сравнений, в чем Н.И. Ашмарин был глубоко убежден. Данный принцип позволил ему отнести все поэтические приемы тюркских и финно-угорских народов к «дикому» периоду человечества. По его мнению, древнее состояние фольклорной поэзии «культурных», т.е. европейских народов, восстанавливается путем сопоставления фольклорных текстов «менее культурных» или «диких» народов и племен. Данного принципа сравнения последовательнее других придерживался в своих трудах А.Н. Веселовский. В своих работах он использовал чувашские примеры из «Очерка народной поэзии у чувашей» Н.И. Ашмарина. В результате сравнения фольклорного материала народов, стоявших, по его мнению, на низкой ступени человечества, он заключил, что первоначальной формой параллелизма является простой двучленный параллелизм.

Предположение А.Н. Веселовского современными исследованиями

отвергается полностью. Дело здесь не в самом принципе сравнения, а в подборе материала для сравнения. У А.Н. Веселовского в состав «диких» народов вошли все неевропейские (точнее: неиндоевропейские) народы. Теперь известно, что даже близкородственные (тюркские, финно-угорские и др.) народы в недавнем прошлом находились на различных ступенях цивилизационного развития. Поэтому европоцентристский взгляд на историю человечества сегодня выглядит как анахронизм.

В своих работах Н.И. Ашмарин всячески пытался дискредитировать идею разделения человечества на «культурных» и «диких». К сожалению, полностью освободиться от этой и ныне устойчивой догмы он не смог.

К третьему виду сравнений относятся сравнения, подтверждающие историческое влияние культуры одного народа на культуру другого, соседнего, народа. При этом выявляются параллели контактного характера. В ряде работ Н.И. Ашмарин указывал на подобные взаимовлияния фольклора разных народов: русских, татар, чувашей и других народов Урало-Поволжья. В частности, неоднократно отмечая влияние русского фольклора на чувашский, он восхищался, что поэтика песен тех русских, которые живут среди чувашей, весьма схожа с поэтикой песен соседей.

Таким образом, Н.И. Ашмарин считал целесообразным использование в историческом изучении народной словесности всех типов сравнения: типологического, генетического и контактного.

Далее следует говорить о методах анализа поэтического текста в контексте научных штудий Н.И. Ашмарина в области словесности.

Современные литературоведы единодушны в том, что художественный образ имеет такое качество, как, например, многозначность. Воспринятая одновременно, оно дает неопределенность. О неопределенности содержания писал немецкий психолог В. Вунд. Он заметил, что ощущение неопределенности как эмоциональная форма многозначного выражения переводит понятие из сферы логики в сферу воображения.

О неопределенности как о главной особенности поэзии народов Поволжья

писал и Н.И. Ашмарин. Очевидно, здесь он был солидарен с немецким психологом В. Вундом, который впервые обратил внимание на неопределенность содержания в поэзии. «Если мы теперь перейдем к поэзии инородца, – размышлял Н.И. Ашмарин в ходе обзора поэзии западных декадентов, то туманность и непонятность построения его песен прежде всего бросаются в глаза. Здесь мы встречаем ту же отрывочность изложения, бессвязность, неясность сравнений, те же странные переходы, что и в творениях «мистицизма»»³².

Господство воображения над логическим мышлением, формы над содержанием Н. Ашмарин объяснял сохранением первобытного мирозерцания. «Господство внешности над внутренним смыслом, набора звуков над содержанием песни, – писал ученый, – вообще свойственны инородческой поэзии и ведет свое начало того древнего периода, когда человек, не оставив себе систематического мирозерцания и не будучи склонен к точным определениям, выражается туманно, предпочитая слова их содержанию и легко увлекаясь «музыкою звуков»»(там же).

Не будем упрекать ученого за его привязанность к логическому мышлению, ведь он был в первую очередь исследователем, а не поэтом. В поэзии же нереалистической на первое место выходит содержательное чувство, образуемое эмоцией неопределенности. Неопределенная эмоциональная речь в поэзии достигается своеобразной игрой формы: ритма, интонационно-синтаксических и звуковых повторов. Здесь Н.И. Ашмарин не строил теорию, а вел тонкое интуитивное наблюдение, которое впоследствии успешно было использовано исследователями в их теоретических обобщениях о своеобразии чувашской народной поэзии. Чувашевед-филолог отмечал особую страсть чуваша в поэзии к сравнениям, аллитерации. По его мнению, сравнения между частями песни обычно бывают только внешними, обуславливаемыми общностью некоторых слов, созвучием и аллитерацией. Аллитерация и созвучие слов ученый относил к «архаическому способу стихосложения» человечества. Ведь он глубоко был убежден в том, что

поэзия всех народов мира представляет собой разные стадии ее исторического развития.

В данную проблему Н.И. Ашмарин углубляется в ряде работ, пишет в них о наличии связи между языком и мышлением. «Язык, – утверждает ученый, это высшая форма мысли народа, и эта форма приняла определенность, сама по себе может воздействовать на мысль и направлять ее в известное русло³³.

Развивая мысль Н.И. Ашмарина, можно сказать, что флективные и агглютинативные языки весьма различным образом формируют мысль. В основе флективных языков лежит идея подчинения, а в основе агглютинативных – идея согласования. Соответственно, языки первого типа воздействовали на развитие логического рассуждения, а языки второго способствовали развитию воображения. Поэтому языки, в том числе и поэтические формы восточных, неиндоевропейских (по Ашмарину и его современников: «диких», «первобытных») народов, не представляют из себя раннюю стадию, низшую ступень развития «культурных» народов, а являются отдельной ветвью общечеловеческого дерева.

Несмотря на то, что Н.И. Ашмарин неоднократно оперировал категориями индоевропоцентристов, он все же шел по пути их отрицания. Нет диких и культурных народов, а есть самобытные языки и их не менее самобытные культуры. Данная мысль прослеживается и в следующей цитате: «Благодаря своеобразности окружающей природы (а не уровня культурности – *В.Р.*) и личных задатков, у каждого народа вырабатывается своеобразное поэтическое творчество, своеобразные метафоры, своеобразные сравнения, которые не имеют смысла в другом языке»³⁴.

Следует сказать и о так называемой теории подражания, которую Н.И. Ашмарин называет мимологией. Еще в 1895 г. он писал следующее: «Сам язык инородцев носит на себе несомненные отпечатки древнего склада мышления, так как до сих пор заключает в себе огромное количество так называемых естественных звуков и целых речений, более свойственных древнему периоду языка, так как они определяют предметы только с одной

какой-либо стороны, преимущественно звуковой, и свидетельствуют таким образом о поверхности наблюдения и скорее созерцательности, чем критическом отношении к вещам»³⁵.

Через 30 лет Н.И. Ашмарин не стал связывать отсутствие подражательных слов в языке уровнем культурности: «преобладание слухового, рассудочного отношения к действительности могло содействовать и исчезновению подражательных междометий <...>. Простота быта и несложность общественных отношений, а в особенности тесная близость к природе и проистекающая отсюда чуткость к восприятию тончайших оттенков в слышимых и созерцаемых явлениях, могли способствовать сохранению подражательных слов в языках племен, населяющих наше Поволжье»³⁶.

Подражательные слова (по Г.Е. Корнилову – имитативы), к сожалению, до настоящего времени остаются неразгаданной и загадочной областью для наших литературоведов. Не покидает надежда, что данная область обещает большую перспективу в изучении поэтических тропов, артикуляционных, звуковых повторов и других элементов поэтической речи. В этом плане исследования Н.И. Ашмарина указывают на совершенно новые аспекты, определяют круг проблем анализа поэтического текста, прежде всего произведений чувашской словесности.

Научное творчество Н.И. Ашмарина в целом имеет не только историческое, но и теоретико-методологическое значение. Его некоторые положения (например, наличие творческого начала в языке) созвучны отдельными моментами бахтинской концепции творчества³⁷. Ученый основал не только науку о чувашском языке, но и заложил основу сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического литературоведения и фольклористики народов Урало-Поволжья³⁸, Н.И. Ашмарин – основатель чувашских филологических наук. Своими студиями ученый способствовал росту национального самосознания молодой чувашской интеллигенции, указал на новый (не миссионерско-

русификаторский) путь национального развития.

Основная литература о чувашах XIX в. написана в духе христианского просвещения, она славяно-православоцентрична. Начиная с очерков В.А. Сбоева и С.М. Михайлова (Яндуша) в литературе начинает укрепляться идея чувашефильства, которую всем своим творчеством возвысил В.К. Магницкий. Его единомышленник и в некоторой степени ученик в науке И.Н. Юркин смог заменить православоцентризм на культ народной религии. Вернее, его чувашецентризм наиболее целостен, направлен на возвышение народа с его многовековой обрядовой культурой и религией³⁹.

С 90-х гг. XIX в. в литературе о чувашах выделяются три направления. Первое условно можно назвать русско-шовинистическим, отрицающим все чувашское и национальное. Второе направление (национально-народническое) развивали В.К. Магницкий и И.Н. Юркин. Особенности третьего направления заключаются в попытке синтезирования чувашецентризм с русской православной религией. К нему примыкали главным образом священники чувашского происхождения, которые сочиняли научные работы с точки зрения миссионера⁴⁰. В начале XX в. в рамках литературы христианского просветительства появляются сочинения, в которых основной акцент делается на язык миссионерско-просветительской деятельности и на улучшение быта, хозяйства и здоровья прихожан. Яркой фигурой данного умеренно-прогрессивного (либерально-демократического, национально-православного) направления в чувашском общественном движении стал **Николай Васильевич Никольский** (1878 – 1961), универсальный этнолог и филолог, педагог, общественный деятель, основатель первой чувашской газеты (1906) и «Союза мелких народностей Поволжья» (1917).

В своем воспоминании о В.К. Магницком Н.В. Никольский упоминает 16-летнего юношу, который сочувствовал делу ученого, а последний привлек его к научным исследованиям. Очевидно, прототипом юноши является сам Никольский: их знакомство и сотрудничество началось сразу после ухода

В.К. Магницкого в отставку и переезда его на жительство в с. Шуматово (1894). Сохранились два письма ученого из Шуматово студенту духовной академии Н.В. Никольскому. В письме от 7 декабря 1900 г. он пишет: «Задуманная Вами тема для кандидатского сочинения меня сильно заинтересовала». Рекомендует включить главу о монастырях, бывших среди верховых чувашей, дает полезные советы по работе в архивах⁴¹. В письме от 30 декабря 1900 г. ученый указывает Н.В. Никольскому на необходимость изложить по языческим молитвам чувашей их представления бога, его местожительство, свойства и т.д. и затем подвергнуть критике изложение верований чувашей знаменитого в 30 – 40-х гг. Казанского архимандрита Гавриила в его «Истории философии»⁴².

Советы учителя были услышаны. В своей монографии Н.В. Никольский описывает отрицательную деятельность монастырей, которые насильно отнимали земли новокрещен. Зачастую монахи вели нехристианский образ жизни. «Способствуя иноверцев к христианству, – пишет ученый в книге «Христианство среди чувашей Среднего Поволжья в XVI – XVIII вв.», – воевода через это получал двоякую выгоду – личную и общественную. Со времени принятия новой религии инородец терял право делать то, что дозволялось его языческой религиею: обижать, грабить и убивать русских колонистов. Путем приобщения к христианской культуре вверенных ему нехристиан, воевода водворял порядок, приобретал себе союзников, которые поддерживали его и общерусские интересы»⁴³.

Христианизация народов бывшего Казанского ханства есть неотделимая часть процесса их покорения, национально-духовного порабощения. Заманимая в христианство в первую очередь преступников и недоимщиков-бедняков, уклоняющихся от рекрутства, других неустойчивых членов общества, колонизаторы разделяли покоренные этносы на две конфессиональные группы. При этом крещенная часть этноса имела всяческие преимущества и льготы (унаследование поместных владений, освобождение от налогов, освобождение от холопства и др.).

Ссылаясь на ученого XIX в. Г.И. Перетятковича, Н.В. Никольский подчеркнул следующую мысль: «Не только воеводы, но и простые русские люди XVII в. смотрели на инородцев, как на существа особого рода, может быть, низшего порядка, сравнительно с ними, православными людьми. Отношение русских людей к инородцам вполне подтверждает этот взгляд»⁴⁴.

Как известно, В.К. Магницкий неоднократно выступал с вышеприведенной идеей. После смерти своего учителя Н.В. Никольский посетил сестру Василия Константиновича (11 июня 1904 г.) и записал следующие ее воспоминания: «Мы унаследовали от предков еще убеждение, что чувашы – презренный народ, что они собственно и не люди, что люди-то только мы, русские. Но вот пожил с нами брат <нрзб>, он дал нам понять, что мы выросли и живем на чувашские деньги. Много это стоило ему. Спорили мы, нередко сердились. Но после упорного отстаивания своих убеждений оказывались совершенно безоружными. Он побеждал. Теперь стыдно даже становится за прежние убеждения»⁴⁵.

«Ни с кем не веду знакомства, особенно с властвующими лицами...», – признается В.К. Магницкий Н.Я. Агафонову в письме от 2 марта 1898 г. А через год к тому же лицу ученый пишет такие строки: «... Куда не глянешь, всюду главенствуют ... мракобесы, а просвета ни откуда...»⁴⁶.

Итак, Н.В. Никольский полностью разделял позицию своего учителя на коронную власть и главенствующих мракобесов. Но свои взгляды он подавал чаще всего как мнения других, более авторитетных ученых, а иногда приводил только факты, надеясь на аналитическое сотворчество читателя. К такому стилю изложения научного материала молодой ученый пришел в условиях тотального обвинения нерусских народов в сепаратизме и разрушении устоев самодержавия. В работе «Христианство среди чувашей» Н.В. Никольский раскрыл колониальные цели христианизации нерусских народов, показал неспособность православной церкви выработать «стратегию и тактику глубокого приобщения новокрещен к культурному полю христианства»⁴⁷.

Это был научно аргументированный отпор историкам-государственникам с «общерусскими» интересами («взгляду сверху»), которые игнорировали позиции ученого через призму мира покоренно-колониальных народов («взгляду снизу») ⁴⁸. В этом плане работы Н.В. Никольского способствовали выработке общей идеологии антиколониального и общественно-социального движения народов Российской империи.

В начале XX в. актуализировалась проблема родного языка как орудия просвещения нерусских народов. Не без участия попечителя Казанского учебного округа С.Ф. Спешкова и его приспешников в 1903 г. в «Казанской газете» началась дискуссия по поводу переводческого дела. Здесь были высказаны мнения за и против чувашских переводов. Об этой дискуссии Н.В. Никольский писал следующее: «В сущности возражения и опровержения были плохим повторением тех же возражений и опровержений, которые, конечно, гораздо обстоятельнее и серьезнее изложены в книге Н. И. Ильминского «Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии. Казань, 1890» ⁴⁹.

Против яковлевского литературного языка очень некстати выступил чувашский учитель Р.И. Иванов со статьей «Какое наречие необходимо в чувашских изданиях» («Казанская газета», 17 августа). Серьезный характер дискуссии придали провокационные публикации в «Вятских епархиальных ведомостях» за 1903 г. (№ 18, сентябрь) и в «Московских ведомостях» Пуришкевича (1903, №№ 286, 288, 289).

Время и ситуация требовали научно обоснованной работы с доказательствами о необходимости использования в школах родного языка детей. Система Ильминского оказалась под серьезной угрозой и нуждалась в авторитетной защите. Данную миссию взял на себя молодой сотрудник Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, помощник инспектора Казанской духовной семинарии Н.В. Никольский. В начале 1904 г. он приступил к написанию научно-публицистической работы «Родной язык как орудие просвещения инородцев» и в том же году издал ее

отдельной брошюрой (Казань, 1904). Здесь автор одновременно выступает как пастырь и богослов, «умело подводит читательскую аудиторию к заключению, что христианское просвещение народов на их родных языках есть угодное Богу дело»⁵⁰. Во второй части работы автор обосновывает свой тезис психологическими особенностями детей и их родителей, убеждает читателя наглядными примерами из жизни с указаниями их источников и паспортов. В третьей части работы Н.В. Никольский убедительно доказывает, что распространение русского языка нельзя считать достаточным к тому, «чтобы духовно преобразовать и сплотить инородцев в единое не только политическое, но и духовное целое: один язык не обладает перерождающей силой»⁵¹.

Противники использования языков нерусских народов в церквях и школах боялись развития национальных начал этих народов, они жаждали скорейшей ассимиляции и исчезновения их с лица земли. Передовая интеллигенция нерусских народов стремилась не только к сохранению, но и развитию этнических особенностей, самой главной из которых являлся родной язык. Поэтому от расширения функций языка в социокультурном пространстве этноса зависело само существование этнокультурной нации. Данную реальность прекрасно понимали обе стороны дискуссии. Из-за официальной имперской политики государства прогрессивной интеллигенции нерусских народов приходилось открыто не говорить о настоящих причинах их борьбы за родной язык прихожан и школьников. Основной их целью являлось сохранение своих народов как самостоятельных и жизнедеятельных этнокультурных наций. Данная идея была сокровенной мечтой и движущей силой научной деятельности Н.В. Никольского.

Отпор противникам переводов с русского на чувашский язык христианско-просветительской и светской литературы был дан Н.В. Никольским и в других статьях и брошюрах. Так, в работе «Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев» он как бы мимоходом отвергает провокационное выступление учителя Р.

Иванова о непригодности к переводу сложившегося к тому времени чувашского литературного языка. «Прием в школу учеников и учениц из различных чувашских местностей доказал ту истину, что переводы на этот язык возможны, что язык этот удивительно однообразен и что совсем нет надобности издавать книги на верховом и низовом наречии чувашского языка, как это доказывал Н. И. Золотницкий и некоторые священники из русских, а достаточно на одном низовом»⁵².

В 1906 г. Н.В. Никольский издал исторический очерк по проблемам народного образования среди чувашей, в котором более подробно описал процесс школьного просвещения чувашей начиная со смены «мусульманского самодержавия» «христианским». «Если для русских ребят тогдашние учебники заключали непостижимые тайны и доводили некоторых из них до «повреждения мозгов», то что сказать об инородческих ребятах, для которых не было ни одного знакомого слова? – задает автор риторический вопрос с глубоким сочувствием (это и есть «взгляд снизу»!). – Новокрещенские школьники, в частности чувашлята, тупели: некоторые из них, не вынеся тяжелой учебы и антигигиенической обстановки, отправлялись *ad patres* [к праотцам]»⁵³.

Как известно, Н.И. Ашмарин писал больше всего о специфике чувашских народных песен, затрагивал ученый и вопросы их поэтики и образности. Н.В. Никольский развивал неизученную область чувашского литературоведения того времени: историю письменной поэзии и проблемы перевода. В вышеописанном очерке ученый впервые показал стихотворные тексты XVIII в. и анализировал качество их перевода. А в статье «Взгляд чувашей на воинскую повинность», написанной в духе патриотического подъема в начале русско-японской войны, молодой ученый выступил в качестве русского переводчика народных песен и, что весьма примечательно, патриотического стихотворения Т.К. Кириллова «Пулăшăр» (Помогите)⁵⁴.

Н.В. Никольский своим творчеством синтезировал идеи левых прогрессистов и взгляды умеренных консерваторов, в том числе и их

признанного лидера Т.К. Кириллова. Идея чувашского единения, идея синтеза как основополагающего принципа этноса и его культуры, как универсального метода познания, восприятия и изображения чувашского мира – вот основные параметры и критерии мировидения и миромоделирования Н.В. Никольского.

Итак, чувашеведческие науки рубежа веков и первых восьми-девяти лет XX в. решали стратегические и злободневные проблемы чувашского этноса: вели поиск достойного ответа на вызов времени, защищали этнические концепты и базисные константы этноса (язык, культуру), определяли его нишу в линейном пространстве (прошлое, настоящее и будущее этноса и его культуры).

Ученые собрали разрозненные тексты и заново записывали тексты устно-поэтического творчества, приступили к их всестороннему изучению. Был собран основной корпус письменных памятников XVIII – XIX вв. и сделаны первые попытки их анализа, прежде всего стихотворных текстов.

Стремление ученых к синтезу познания и изображения-выражения этнического мира, их универсализм способствовали развитию науки в едином потоке с художественной литературой. Историческое сознание гармонично сочеталось с новым художественно-эстетическим сознанием писателей, одновременно являвшихся исследователями, педагогами и общественными деятелями. Открытие героического прошлого знаменитых предков – волжских булгар – настраивало целого ряда литераторов на возвышенно-романтический лад. Деятельность чувашских переводчиков в области издания научно-популярной литературы повела за собой молодых людей, стремящихся получить среднее и высшее образование по внецерковным и внешкольным специальностям (художники, юристы, коммерсанты, агрономы и др.). Это означало, что чувашское просветительское движение стоит у порога следующей стадии своего развития, для которой основополагающими должны явиться не начальная школа с миссионерско-русификаторскими целями, а среднеспециальные и

высшие школы с целым набором востребованных специальностей. Эпоха единственной «дороги через Синай»⁵⁵ постепенно уходила в прошлое вместе ушедшим XIX в. В этом имеется заслуга и чувашеведческих наук, которые способствовали поднятию уровня этнического и личностного сознания нового поколения чувашской интеллигенции на более высокую ступень, чем было раньше (в последней трети XIX в.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Чувашская творческая интеллигенция начала XX в. значительно отличалась от своих предшественников как в понимании цели индивидуального и национального бытия, так и в восприятии изображаемой ими реальной действительности.

2. Такое качественное изменение художественно-личностного сознания чувашских писателей стало возможным благодаря этно-центричного синтеза отдельных сфер общественного сознания, прежде всего научно-аналитического сознания. Именно оно способствовало созданию в потоке множества идейно-политических, философско-мировоззренческих и других течений единого общенационального русла.

3. Поиск новой парадигмы социокультурного функционирования чувашского этноса в сообществе более высокого уровня (Российской империи) привел ученых и писателей к выявлению этнообразующих констант и осознанию новой аксиологической иерархии в культуре. Национальная интеллигенция, в том числе и творческая, упорно защищала эти ценности и ускоренно развивала те сферы культуры, которые необходимы были молодой этно-культурной нации в условиях ее окончательного становления.

Намечая перспективу дальнейшего углубления в данную проблему, следует сказать, что ближайшей задачей историков чувашской литературы является изучение динамики концептов, мотивов и тем в творчестве

писателей начала XX в., а также выявление механизмов взаимодополняемости внутренних факторов развития национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Демин В.А. Государственная дума // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. М., 2010. С. 206.

² Яковлев И.Я. Моя жизнь. М.: Республика, 1997. С. 339 – 340.

³ Там же. С. 619.

⁴ Петров Д.П. Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Чебоксары, 1921. – 24 с.

⁵ «Два года пришлось работать мне под таким нажимом со стороны начальства, – вспоминал потом Г.И. Комиссаров, учительствовавший в 1903 – 1906 гг. в чувашской сельской школе. – Третий год, совпавший с революцией 1905 года, принес свой приговор: он (инспектор. – В.Р.) сказал, что я был прав, а Спешковы, Милославские и их приспешники неправы» (*Комиссаров Г.И. Мои мемуары // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. Уфа: Изд-во ТГТ, 1999. С. 25 – 178).*

⁶ Яковлев И.Я. Моя жизнь. С. 356.

⁷ Там же. С. 356 – 359.

⁸ См.: Там же. С. 639 – 640; Ефимов Л.А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX – начала XX веков. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2000. С. 69.

⁹ О деятельности Комитета и Совета министров см.: Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – с.

¹⁰ Цитата взята из следующей работы: Иванов В.П., Абашева Д.В. Жизнь и деятельность В.К. Магницкого // В.К. Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей. Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ при СМ Чуваш. АССР, 1989. С. 8.

¹¹ Золотницкий Н.И. По поводу статьи о «Чуваш кнеге» // Золотницкий Н.И. Изб. труды. Чебоксары: Изд-во Чуваш ун-та, 2007. С. 22 – 23.

¹² Никольский Н.В. Василий Константинович Магницкий // Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 384.

---

¹³ Там же. С. 383.

¹⁴ Цитируется из след. раб.: *Яковлев, Юрий*. Духовное пространство Ивана Юркина: в экзистенциально-чувашском контексте и на фоне иных культурных, духовных сфер. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 118.

¹⁵ «Творчество Юркина проникнуто идеей защиты жизненных интересов нации, пафосом борьбы против искажения народного духа и разрушения корней чувашского народа, проникнуто морально-гражданским духом. Юркин видел в литературе, прежде всего, средство зажечь в соотечественниках огонь национального чувства, идею национального единства, средство укрепления традиционных ценностей чувашской культуры» (Там же. С. 185).

¹⁶ Рукопись книги была завершена в начале 1877 г. и представлена Н.И. Золотницким на IV Археологическом съезде в г. Казани. В 1881 году она была издана в типографии Казанского университета.

¹⁷ *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена // Известия ОАИЭ при Казанском университете. Казань, 1905. Т. 21, вв. 2,3,4. С. 1 – 32, 33 – 64, 65 – 102.

¹⁸ Свою работу «Казанские инородцы и отношение к ним русских притеснителей» (Волжский вестник. – Казань. – 1885. - № 180) В.К. Магницкий подписал псевдонимом *Чувашефил.*

¹⁹ *Ашмарин Н.И.* Мое жизнеописание // *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 374 – 375.

²⁰ *Ашмарин Н.* Очерк народной поэзии у чувашей // Этнографическое обозрение. – 1892. – Кн. 13-14. - № 2-3. С. 42. Ср.: *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность. С. 37.

²¹ Там же. С. 60 – 61.

²² *Ашмарин Н.И.* Сборник чувашских песен // Известия ОАИЭ. – 1900. – Т. XVI. Ср.: *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность. С. 81 – 160.

²³ *Ашмарин Н.* Любовь в жизни и песнях инородцев // Волжский вестник. – Казань. – 1895. - № 80; *Ашмарин Н.И.* Декаденты Запада и поэзия инородцев // Волжский вестник. – 1895. – 22 января. Ср. *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная поэзия. С. 65 – 80.

²⁴ *Смирнов И.Н.* Черемисы. Казань, 1884; Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. – 142 с.; Гаврилов Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. О книге К. Насыри Н.И. Ашмарин пишет так: «Габдул-Каюм Насыров в своем сборнике татарских песен иногда указывает на некоторые их странности, которые поражают его, несмотря на то, что он сам татарин и татарская поэзия – поэзия родного ему народа (См. его «Бавакиль уль-Джуляса»). Но сочиняя новые песни, татарин опять-таки прибегает к старинным формам творчества» (*Ашмарин Н.* Декаденты Запада и поэзия волжских инородцев. С. 74).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 80.

---

²⁷ *Ашмарин Н.И.* Введение в курс чувашской народной словесности // Чувашский фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982 С. 5.

²⁸ *Давыдова Г.А.* Концепция творчества в работах М.М. Бахтина // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 113.

²⁹ *Ашмарин Н.И.* Очерк народной поэзии у чувашей. С. 4. «У всех чувашей одна поэзия, одни законы стихосложения... везде одинаковый дух творчества», – писал ученый.

³⁰ *Ашмарин Н.И.* Незаконченные рукописи // Слово. 1993. Чебоксары, 1994. С. 90.

³¹ Там же. С. 89.

³² Там же.

³³ *Ашмарин Н.* Декаденты Запада и поэзия инородцев. С. 72.

³⁴ *Ашмарин Н.И.* Незаконченные рукописи. Л. 90.

³⁵ Там же. Л. 91.

³⁶ *Ашмарин Н.* Декаденты Запада и поэзия инородцев. С. 78.

³⁷ *Ашмарин Н.И.* Подражания в языках народов Среднего Поволжья. Баку, 1925. С. 145-146.

³⁸ Будучи филологом по профессии и философом по складу ума, М.М. Бахтин писал, что любые явления языка можно наблюдать лишь в том случае, если «поместить производящего и слушающего звук субъектов <...> в социальную атмосферу» (*Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке и языке. Л.: Академия, 1930. С. 46-47).

³⁹ Н.И. Ашмарин выступал с литературно-критическими статьями и обзорами татарской литературы (Ашмарин Н. Несколько слов о современной литературе казанских татар // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. - № 9), разбирал литературные тексты авторов газеты «Хыпар» (Вести).

⁴⁰ У И.Н. Юркина картина мира подчинена модели «чувашский этнос – чувашский язык – чувашская религия». Если И.Я. Яковлев и его ученики опирались на христианство и перевод духовной литературы, то Юркин возвеличивал чувашскую народную религию. В статье «Чăвашсен авалхи тĕнĕ» (Чувашская старая религия, 1891) автор критикует мулл и попов за их корыстную натуру, особую любовь к деньгам.

⁴¹ Наиболее деятельными из них были священники А. Иванов (1871 – после 1932), К. Прокопьев (1872 – 1938), И. Никитин-Юркин (1881 – 1948). Все они состояли в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, постоянно печатали свои очерки и статьи. А. Иванов составил и издал «Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах, в связи с другими инородцами Среднего Поволжья, с 1756 по 1906 год» // Известия ОАИЭ. Т. 23. Вып. 2, 4. Казань, 1907. С. 1 – 32 (2); С. 33 – 63 (4).

⁴² Как сообщает В.Д. Дмитриев, на втором году обучения в духовной академии (1901)

Н.В. Никольский избрал темой курсового сочинения «Христианство среди чувашей». Рекомендую отдельную главу о монастырях, В.К. Магницкий хотел обратить внимание студента на колониально-насильственный характер христианизации нерусских народов Поволжья (*Димитриев В.Д.* Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары, 1993. С. 6).

⁴³ Рукописный фонд Н.В. Никольского. Путеводитель. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 274 – 275. О чувашской религии архимандрит Гавриил писал в следующей книге: *Гавриил.* История философии. Ч. 6. Казань, 1840. С. 10 – 17.

⁴⁴ *Никольский Н.В.* Христианство среди чувашей Среднего Поволжья в XVI – XVIII веках // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 148.

⁴⁵ Там же. С. 154.

⁴⁶ НА ЧГИГН, отд. I (Рукописный фонд Н.В. Никольского), ед. хр. 144 (1). Л. 54.

⁴⁷ *Иванов В.П., Абашева Д.В.* Жизнь и деятельность В.К. Магницкого. С. 16-17.

⁴⁸ *Николаев Г.А.* Слово о Никольском и его трудах по истории христианизации и христианского просвещения // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. II. С. 19.

⁴⁹ Там же. С. 19-21.

⁵⁰ *Никольский Н.В.* Родной язык как орудие просвещения инородцев // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. II. С. 37. Ст. 3.

⁵¹ *Николаев Г.А.* Указ раб. С. 13.

⁵² Там же. С. 39.

⁵³ *Никольский Н.В.* Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев (По поводу отчета Казанской Переводческой комиссии за 1904 г. Казань, 1905. Ср.: *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. II. С. 97. Ради справедливости следует заметить, что Н.И. Золотницкий никогда не стоял за издание чувашских книг на двух диалектах. «<...> для составления чувашских учебников принято *среднее* чебоксарско-цивильское (т.е. средненизовое. – *В.Р.*) наречие, отличающееся правильностью форм, чистотою чувашских звуков и наименьшим заимствованием татарских слов», - писал Н. Золотницкий в заметке «По поводу статьи о «Чуваш кнеге» (Справочный листок г. Казани за 1867 г. - № 143). Наоборот, на издании книг на верховом и низовом диалектах первоначально настаивал И.Я. Яковлев: «Но как бы мала ни была разница между наречиями анатри и вирял, в школе необходимо составлять учебники на том и другом наречии <...>» (Букварь, религиозно-нравственные наставления, молитвы и избранные места из Священного писания, изложенные на наречии низовых чувашей, или чувашей анатри. Казань, 1872. С. 4).

⁵⁴ *Никольский Н.* Народное образование у чувашей. Исторический очерк. Казань, 1906. Ср.: *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. II. С. 52.

---

⁵⁵ *Никольский Н.* Взгляд чувашей на воинскую повинность // Православный собеседник. – 1905. – Январь. С. 179-188; Февраль. С. 362-370. Отд. отт.: Казань, 1905. Ср.: *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. I. С. 355-367.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Истоки и особенности чувашского национально-просветительского движения во второй половине XIX века.....	4
Борьба за язык обучения в чувашских школах.....	8
Место чувашеведческих наук в формировании нового этнического сознания.....	14
Заключение.....	34
Литература и примечания.....	35